ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 02.02.2022 | Евгения Габер

«Челночная дипломатия» на Босфоре

Как видят российско-украинский конфликт по ту сторону пролива и что заставляет Турцию активно выступать с посредническими инициативами?

Неискушенному наблюдателю, не посвященному в хитросплетения турецкой внешней политики, зачастую сложно бывает понять ее крутые виражи – порою не менее резкие, чем повороты Босфора.

Стратегическое партнерство с США и американские санкции против турецкой оборонной промышленности, членство Турции в НАТО и закупка систем ПВО у России, сотрудничество с Москвой в региональных форматах и противостояние в целом ряде замороженных и горячих конфликтов в разных частях мира – все эти, казалось бы, несовместимые вещи официальной Анкаре удивительным образом удавалось совмещать в рамках своей многовекторной и неизменно прагматичной внешней политики.

Последовательная в своей непоследовательности, такая неоднозначная позиция Анкары по многим вопросам международной политики значительно обогатила «неологизмами» не только дипломатическую практику, но и политический лексикон. «Конфликтное сотрудничество», «согласие на разногласия» и даже трудновыговариваемая «компартментализация» (готовность развивать диалог в одних сферах, закрывая глаза на неразрешимые противоречия в других) – какие только формулировки не использовались обозревателями, дабы обозначить динамику непростых российско-турецких отношений, официально определяемых как стратегическое партнерство. Однако, похоже, на этот раз ультимативный тон России в диалоге с Западом и угроза прямого вторжения в Украину почти не оставляют пространства для геополитического маневра Анкары в Черноморском бассейне.

Угроза нового вторжения России в

Попытки Турции даже в условиях серьезных кризисов сохранять рабочие отношения с Россией вполне понятны. Помимо

Украину не оставляет пространства для геополитического маневра Анкары в Черноморском бассейне

традиционного нежелания видеть наращивание военного потенциала НАТО вблизи собственных границ, Анкару и Москву связывает сложный клубок политических договоренностей в регионах с пересекающимися интересами, а также тесные экономические связи и общие энергетические проекты (от «Голубого» и «Турецкого» потоков, прокачивающих российский газ по дну Черного моря, до АЭС «Аккую», строящейся «Росатомом» на берегу Средиземного моря).

Очевидно, что любое ухудшение отношений с Москвой автоматически означало бы и утрату российского рынка, важного для турецких производителей, и потерю российских туристов, желанных на турецких курортах. К тому же в случае необходимости всегда сохраняется возможность «газового» шантажа (порядка 40 процентов газа для внутренних нужд Турция импортирует из РФ) или создания новой гуманитарной катастрофы в Сирии, сулящей очередную волну беженцев на турецких границах. На фоне экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и рекордной девальвации национальной валюты за прошедший год, такой груз проблем рискует стать неподъемным для и без того ослабленной турецкой экономики.

Наконец, не стоит забывать и о «запасных козырях» российской гибридной дипломатии. Возможность «размораживания» неурегулированных конфликтов усилиями российских «миротворцев», использование курдского фактора или создание очередного локального очага напряженности вблизи турецких границ традиционно остаются дополнительными опциями давления России на несговорчивого «стратегического партнера» в тех случаях, когда «стратегии партнеров» не совпадают. В большинстве региональных конфликтов – от Сирии и Ливии до оккупированных территорий в странах ГУАМ – Анкара и Москва находятся по разные стороны баррикад, если не в прямых военных действиях, то как минимум за столом переговоров. И это тоже не облегчает жизнь турецким дипломатам.

На фоне российско-турецких отношений, отягощенных проблемами непростого исторического прошлого и еще более запутанного геополитического настоящего, стратегическое партнерство с Украиной являет собой пример «естественного союза», основанного на практически полном совпадении интересов при

отсутствии каких-либо существенных противоречий. Сдерживание российского военного присутствия в регионе и обеспечение свободы мореплавания в Черном море, деоккупация Крыма и защита прав крымских татар, наращивание объемов взаимной торговли и инвестиций – далеко не полный перечень общих приоритетов. Активное развитие сотрудничества в военно-технической сфере и оборонной промышленности, увенчавшееся решением о строительстве завода для совместного производства беспилотников нового поколения, постепенно вывело двусторонние отношения с уровня «экономически выгодных» до «стратегически важных». Хотя и экономический фактор не стоит сбрасывать со счетов: $4,5 млрд турецких инвестиций в украинскую экономику и $7,4 млрд двусторонней торговли в 2021 году позволили Турции стать крупнейшим иностранным инвестором и войти в топ-5 внешнеторговых партнеров Украины. В случае полномасштабного вторжения российских сил Анкаре придется забыть об этих цифрах, как и о рекордных двух миллионах украинских туристов на турецких курортах.

Помогая Украине избежать дальнейшей эскалации со стороны России, Турция помогает и себе

Благодаря внешнеполитическому прагматизму и умелому балансированию до сих пор Турции удавалось обходить подводные камни черноморской политики и поддерживать хорошие отношения с обоими партнерами, уже восемь лет находящимися в состоянии войны. Тем не менее угроза нового вторжения России в Украину может все же заставить Анкару сделать неудобный выбор. Любая из дилемм, которые неизбежно возникнут в случае дальнейшей эскалации: присоединяться ли к расширенным санкциям против Москвы, когда и как задействовать механизмы Монтрё, участвовать ли в операциях ВМС НАТО на море или оставаться безучастным наблюдателем российской экспансии на суше – не имеет однозначного решения. И это тот случай, когда легче не допустить возникновения этих вопросов, чем искать ответы на них.

В этом смысле, помогая Украине избежать дальнейшей эскалации со стороны России, Турция помогает и себе – избежать сложного и нежелательного выбора, в котором для нее нет выигрышных вариантов. Кроме того, в случае успеха посреднических инициатив,

«челночная» дипломатия Анкары позволит ей значительно укрепить свои позиции не только в неспокойных водах Черного моря, но и у далеких берегов Атлантики. Эксперты единогласны в том, что конструктивная позиция турецкого руководства в украинском вопросе (непризнание аннексии полуострова, последовательная поддержка членства Украины в НАТО, а теперь еще и попытки Эрдогана выступить посредником между Зеленским и Путиным и предоставить площадку для переговоров ТКГ в Стамбуле) способна существенно улучшить имидж Анкары в глазах международных партнеров.

Конструктивная позиция турецкого руководства в украинском вопросе способна существенно улучшить имидж Анкары в глазах международных партнеров

К тому же, после гибели турецких военных в результате российского авиаудара в Идлибе и противостояния в Нагорном Карабахе в ходе второй карабахской войны, в Турции, похоже, уже не осталось иллюзий насчет реальных намерений ее «стратегического партнера». Оккупация и последующая милитаризация Крыма, усиление военного присутствия России на Ближнем Востоке, в восточном Средиземноморье и на Южном Кавказе заставили турецких экспертов вспомнить о столетиях российско-османских войн, начавшихся с падения Крымского ханства и в результате приведших к упадку всей Османской империи. Фактическая аннексия Беларуси и введение сил ОДКБ в Казахстан поставили под сомнение амбиции регионального лидерства Анкары на постсоветском пространстве. Новое вторжение в Украину означало бы фактическое превращение Черного моря в «российское озеро» с прямым выходом к «теплым морям» – извечной мечте Москвы, не изменившейся с веками. И этого Анкара допустить не может. Даже если для убедительности «челночной» дипломатии между берегами Черного моря потребуется поддержка беспилотников с неба.

Евгения Габер

Киев

Евгения Габер (Yevgeniya Gaber) – кандидат политических наук, старший аналитик Центра исследований современной Турции Карлтонского университета (Канада). В прошлом – заместитель директора Дипломатической академии Украины им. Геннадия Удовенко при МИД, дипломат Посольства Украины в Турции. Основная сфера интересов – внешняя политика Украины, Турции, проблемы безопасности Черноморского региона.